

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1(33). С. 174—180.
Economic and Socio-Humanitarian Studies. 2022. 1(33). С. 174—180.

УДК 316.3
doi:10.24151/2409-1073-2022-1-174-180

Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 1

Никита Николаевич Равочкин¹, Владимир Петрович Щенников²

¹*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

¹*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия*

²*Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Кемерово*

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Аннотация: С позиции социальной философии авторы рассматривают взаимовлияние науки и общественного мнения как институтов духовной сферы. В первой части исследования отмечается повышение роли науки в современном мире, обуславливающее успех и даже жизнеспособность государств на мировой арене. Представлены два направления изучения науки в отечественном и зарубежном дискурсе. Руководствуясь работами классиков и современных исследователей, авторы анализируют институциональные особенности науки и устанавливают специфику научных взаимодействий между субъектами науки, графически представляют сущность науки как социального института.

Ключевые слова: наука, институт, общество, духовная сфера, общественное мнение, ценности, взаимодействия.

Для цитирования: Равочкин Н.Н., Щенников В.П. Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 1 // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1(33). С. 174—180. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-174-180>

Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 1

Nikita Nikolayevich Ravochkin¹. Vladimir Petrovich Shchennikov²

¹*Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

¹*Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia*

²*Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Kemerovo*

¹*nickravochkin@mail.ru*

²*volodia.logos2011@yandex.ru*

Abstract: From the perspective of social philosophy, the authors consider the mutual influence of science and public opinion as spiritual sphere institutions. The first part of the study notes the increasing role of science in the modern world, determining the success and even viability of states on the world stage. Two directions of the study of science in domestic and foreign discourse are distinguished. Guided by the works of classical and modern researchers, the authors analyze the institutional features of science and establish the specificity of scientific interactions between the subjects of science, graphically present the essence of science as a social institution.

Keywords: science, institution, society, spiritual sphere, public opinion, values, interactions.

For citation: Ravochkin N. N., Shchennikov V. P. Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 1 // Economic and Socio-Humanitarian Studies. 2022. № 1(33). P. 174—180. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-174—180>

Минувшие десятилетия ознаменовались усилением дигитализации и соответствующим широким распространением современных коммуникативных технологий во все сферы жизнедеятельности общества [1]. Глобальный социум переживает очередной трансформационный период, который влечет за собой становление тех или иных вариантов постиндустриального общества в национальных эмпирических контекстах. Самоочевидно, что в современном обществе повсеместно повышается роль и значение науки. Это позволяет рассматривать науку как влиятельный социальный институт. Причем сопряженные с ним практики позволяют вырабатывать интенции дальнейшего мирового развития — не только посредством регуляции intersubъективных взаимодействий, но и помогая человеку определиться со своим местом в социуме. Одновременно с этим усиление институциональной сущности науки повышает зависимость национальных государств от уровня научного развития, а также, в некотором смысле, наряду с политико-правовыми структурами, обуславливает макродвиги и поворотные моменты в историческом развитии [8]. По сути, в последние десятилетия уровень научного развития самым непосредственным образом используется при обосновании дихотомического (сильные — слабые, развитые — неразвитые) разграничения статусов государств на международной арене и более сложных версий

дихотомии. Резюмируя, можно сказать, что даже представленных нами тенденций, отражающих детерминационные возможности института науки, достаточно для обозначения целесообразности социально-философского анализа науки. Науку следует изучать как целостность — в неразрывной взаимосвязи с иными социальными системами и практиками.

К малоизученной проблематике относится также институционализация общественного мнения, рассматриваемого как фактор воздействия на поведение личности и как социальная практика, регулирующая жизнедеятельность национальных сообществ. Между тем, несмотря на неформальный характер, общественное мнение все чаще выступает эффективной социальной технологией, поскольку обеспечивает стабильность государств на фундаменте общественно одобряемых и/или порицаемых норм и ценностей. Примечательно, что аксиологические конструкты, вырабатываемые общественным мнением, часто становятся основой для переосмотра и последующего обновления политико-правовой культуры, а мораль таким образом становится фундаментом. Это позволяет рассматривать общественное мнение как набор социальных практик, тесно взаимодействующих с иными социальными институтами.

Выходит, что в современном мире формируется противоречие: с одной стороны,

очевидны усиление роли науки в жизнедеятельности общества и рост научного интереса к вопросам морали и общественного мнения, однако, с другой стороны, институциональная сущность этих явлений изучена весьма фрагментарно. Принимая во внимание влияние общественного мнения на функционирование социальных институтов и практик, можно предположить, что оно предопределяет направления научного развития и даже отражает особенности национальной морали [9].

Поставим целью изучить институциональную сущность науки и общественного мнения и определить характер их взаимодействия.

Пролегомены: наука как социальный феномен. Любопытно, что вплоть до начала прошлого столетия наука фактически не рассматривалась с позиции социальной философии, а сама она «выступала как сокровищница знаний для технического прогресса, а социология знания этого периода занималась прежде всего ролью и характером непосредственного воздействия научного знания на духовную сферу деятельности общества (идеологию, политику)» [6, с. 89]. Подобное восприятие науки во многом объясняется тем, что начиная с эпохи Возрождения и в период Нового времени активизировалась вера в безграничные возможности человека — и далее, при переходе к индустриальному обществу, сам исторический процесс воспринимался исключительно как эволюционно линейный, однозначно ведущий человечество к постоянному улучшению условий жизнедеятельности и прогрессу.

И если в европейских реалиях амбивалентная роль науки, положения которой не позволяли (раз)решать насущные проблемы и преодолевать социальные кризисы, была переосмыслена еще в XIX столетии, то в России метаморфозы со значением науки произошли позднее. Конечно, это также было обусловлено трагическими событиями первых десятилетий прошлого столетия, глав-

ным образом Первой мировой войной и кровавыми событиями отечественных революций. В результате смены государственного режима впервые возникла необходимость (пере)осмысления роли института науки в организационном переустройстве социума. Можно согласиться с тем, что российские ученые на начальном этапе советского периода условно были разделены на два типа.

Творческая интеллигенция, или представители социально-гуманитарных наук. Они фактически всегда проявляли скепсис по отношению абсолютно к любой власти, от которой впоследствии избавлялись властные акторы. Вне зависимости от выбора сценариев, представители советского истеблишмента стремились заполнить образовавшийся в духовной сфере вакуум и сформировать новую лояльную интеллигенцию, а именно обосновали правильность ленинского учения и действующего политического режима, фактически сосредоточили в своих руках идеологический функционал.

Специалисты областей знания естественных, математических и технических наук. Именно на них впоследствии была возложена ответственность за подчиненную государству «научную политику» и обеспечение ускоренного социально-экономического развития [6, с. 89—90].

Таким образом, влиятельные субъекты формулировали и артикулировали приоритет развития естественных и технологических наук в условиях отсутствия мотивации к развитию гуманитаристики, что способствовало вполне заметному «перекоосу» в развитии института науки, в отечественных реалиях. Подобные дихотомии в научных сообществах по всему миру категорируются как нормальные, поскольку «отношения между которыми далеки от полного взаимопонимания и время от времени переходят в открытые конфликты (к примеру, споры между “физиками” и “лириками” в СССР в 1960—1970-х гг. или “научные войны” в США в 1990—2000-х гг.)» [3, с. 243].

Для нас важно, что уже первые тенденции институционализации науки сопровождаются активностью в изучении различных аспектов социальной практики: Б.М. Гессен обратил внимание на исторические корни функционирования науки в социальном пространстве; Г.А. Грузинцев сконцентрировал усилия на теории науки и методологии ее исследования; И.А. Боричевский в качестве объекта изучения выбрал социальную природу науки; С.Г. Струмилин в фокус исследования поставил проблемы экономической эффективности труда ученых. Однако данный «романтический» период, ознаменовавшийся расцветом социологических исследований науки, закончился довольно быстро — уже к первой трети XX столетия: под давлением Партии интенсивный поиск «вредителей» в научном сообществе негативным образом повлиял на попытки теоретизации науки как социального феномена.

Вместе с тем среди западноевропейских и американских интеллектуалов в данный период интерес к рассмотрению науки как социального феномена не только сохранялся, но и умножался. Если Р. Мертон заложил основы институционального анализа науки [5], то другая знаковая фигура того времени, Дж. Д. Бернал, сосредоточил внимание на социально значимом функциональном объеме, выполняемом наукой. В фундаментальном исследовании социальной функции науки этому автору удалось «схватить» главный, казалось бы, тривиальный для нашего времени тезис: стержневые идеи науки — это служба обществу [11]. И если во время Второй мировой войны эти идеи еще только-только оформлялись, то далее их апробация доказала, что именно наука принимает на себя роль детерминанты жизнеспособности национальных государств.

Наука как социальный институт. Итак, понимание науки как социального института впервые было обосновано Р. Мертоном, который в первую очередь рассматривал специфическую систему отношений и ценно-

стей, т. е. некоторую совокупность норм и правил, которые регулируют поведение индивидов, а именно членов научного сообщества [5]. Институциональная природа науки также проявляется в том, что у входящих в нее многочисленных сообществ, относимых к «научным», имеются сущностные свойства, а именно — общие цели, устойчивые традиции, самоорганизация и авторитет [10].

По мнению Мертона, именно наличие общей цели обеспечивает целостность науки — совокупности всего множества социальных практик — и является средством объединения ученых, занятых в различных и разнородных пространственно-временных категориях. Основная цель функционирования института науки заключается в постоянном умножении признаваемого членами тех или иных сообществ знания, что, безусловно, укладывается в традиции эмпиризма. Мертон не столь сильно «зацикливается» на таких философских атрибутах этоса науки, как «истинность» и «объективность». Значим тот факт, что американский мыслитель выделяет динамичную природу науки, поскольку по мере ее развития и накопления знаний любые «удостоверенные» участниками научных объединений данные меняются, а для оценки достижений перманентно используются все новые критерии и параметры [5].

Несколько иной взгляд на институт науки и в первую очередь на цель научных взаимодействий предлагают отечественные исследователи. Например, заслуживает внимания позиция, согласно которой основная цель науки отражает ее процессуальный характер и заключается в создании «нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения — логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи» [7, с. 20]. В дополнение приведем позицию А.К. Леонова, согласно которой наука представляет собой

«социальный институт, цель которого состоит в приращении объективного достоверного знания, имеющий целостный, но диффузный, характер, подверженный внешним влияниям» [4, с. 10]. Из обоих приведенных отечественными исследователями определений следует, что цель науки состоит в приращении достоверного знания. При этом они отмечают *влияние внешней среды* — переменную, которая сопровождает социальный институт и высвечивает его принципиально открытый характер, что наглядно отображает социальную сущность науки. Как и любая иная социальная система, она хоть и представляет собой (относительно) независимую целостность, но при этом всегда участвует в общественных практиках и не исключена из взаимодействий иных функционирующих в обществе систем.

Чтобы определить, какие еще характерные черты имеются у института науки, примем во внимание, что в отличие от многих других социальных институтов наука не предполагает столь ярко выраженных отношений власти и не предусматривает наличия механизмов, обеспечивающих фикси-

рованное членство и принуждение. Роль норм и предписаний связана с общественным признанием кванта нового знания и внесенного в общее интеллектуальное наследие вклада. Этот фактор позволяет улучшать условия жизни в обществе, настраивая те или иные механизмы в определенных сферах [12]. Информирование о вкладе участников различных сообществ, составляющих социальный институт, высвечивает его коммуникативную природу, которая к настоящему времени достигла беспрецедентного уровня организации и развития. Таким образом, еще один краеугольный камень сохраняет целостность и единство социального института науки, это — многочисленные взаимосвязи между интеллектуалами и регулярно усложняемые каналы коммуникации. Взаимодействия группируются вокруг основных ценностей, к которым можно отнести ценности истины, знания и процесса исследования. Важно еще раз подчеркнуть, что именно принимая и разделяя общие ценности, ученый обретает социальную идентичность, а в последующем получает возможность образовать вокруг себя

участники:

- специалисты, профессиональные сообщества

хромотоп:

- устная /письменная/ удаленная, online/ синхронная/асинхронная/комбинированная (сочетающая в себе представленные разновидности);

цель:

- новое знание в любых его формах

ценности:

- базисные концепты, важные для научного познания на определенном этапе исторического развития;

тематика:

- области (меж)дисциплинарного знания, конституирующие проблемное поле исследований

императивы:

- универсализм, коллективизм, организованный скептицизм, бескорыстие.

Наука как социальный институт

научное сообщество или же вступить в состав целостной организации [2].

Отмеченное выше отсутствие механизмов принуждения вовсе не означает, что поведение участников научного сообщества не подвергается регулированию. Дело в том, что основными регуляторами, по мнению Р. Мертона, выступают такие императивы, которые призваны гарантировать честную конкуренцию в науке. Они позволяют сформировать такое отношение к поведению участников и результатам их научной деятельности, которое они ожидают при выходе на траекторию научного признания. Р. Мертон выделяет четыре таких императива: универсализм; коллективизм; организованный скептицизм; бескорыстие [5, с. 770—771].

Дополняя мертоновский перечень императивов, Н.Л. Никульшина и Т.В. Мордовина [7, с. 19] достаточно подробно поясняют сущность науки как социального института. Представим это графически (рис. 1): (1) участники — основные коммуниканты; (2) хронотоп — пространственно-временная организация взаимодействий; (3) цель, вне зависимости от того, направлена ли она на увеличение массива знаний как таковых или же на расширение объема сугубо достоверных знаний; (4) ценности; (5) проблемная тематика, интегрирующая конкретное сообщество.

Соответственно графической модели и на основании социально-философского анализа можно сделать вывод, что наука представляет собой социальный институт, целостность которого связана с единством общей цели, ценностей, императивов, которые не только регулируют поведение участников, но и обуславливают особенности взаимодействий между ними. Как социальная система, наука, с одной стороны, представляет собой относительно независимую от иных социальных систем целостность, с другой — взаимодействует с ними, что позволяет сделать вывод о зависимости науки от факторов внешней среды, а в следующей части исследования перейти к изучению за-

висимости науки от института общественного мнения.

Список источников:

1. **Гухман В.Б.** Информационная цивилизация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1(47). С. 37—48.
2. **Жидков А.В.** Научно-технический язык и научно-технический перевод // Science Time. 2014. № 5. С. 67—71.
3. **Конинов В. И.** Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6(27). С. 242—249.
4. **Леонов А. К.** Региональные особенности современной российской науки как социального института: автореф. дисс. канд. соц. наук: 22.00.04. Барнаул, 2014. 20 с.
5. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
6. **Мирский Э.М.** Наука как социальный институт // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 89—108.
7. **Никульшина Н. Л., Мордовина Т. В.** Аспекты обучения иноязычной научной письменной речи в высшей школе: монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2014. 160 с.
8. **Равочкин Н.Н.** Влияние философских идей на политико-правовые институты в свете исторической макросоциологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 2 (48). С. 30—40.
9. **Романович Н. А.** Современный ученый в зеркале общественного мнения // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 3. С. 58—66.
10. **Ярошевский М.Г.** Школы в науке // Психология науки. М.: Флинта, 1998. С. 105—118.
11. **Bernal J.D.** The social function of science. Berlin: Akad.-Verl., 1989. 711 p.
12. **Kuhn T.S.** The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; London : University Of Chicago Press, 1996. 226 p.

References

1. **Guhman V.B.** Informacionnaja civilizacija // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2019. № 1(47). S. 37—48.

2. Zhidkov A.V. Nauchno-tehnicheskij jazyk i nauchno-tehnicheskij perevod // Science Time. 2014. № 5. S. 67—71.
3. Konnov V. I. Vlijanie kul'turnogo konteksta na razvitie nauki v Rossii: social'no-psihologicheskij vzgljad // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6(27). S. 242—249.
4. Leonov A. K. Regional'nye osobennosti sovremennoj rossijskoj nauki kak social'nogo instituta: avtor-ref. diss. kand. soc. nauk: 22.00.04. Barnaul, 2014. 20 s.
5. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. M.: AST, 2006. 873 s.
6. Mirskij Je.M. Nauka kak social'nyj institut // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. № 8. S. 89—108.
7. Nikul'shina N. L., Mordovina T. V. Aspekty obuchenija inozazychnoj nauchnoj pis'mennoj rechi v vysshej shkole: monografija. Tambov: Izd-vo TGTU, 2014. 160 s.
8. Ravochkin N.N. Vlijanie filosofskih idej na politiko-pravovye instituty v svete istoricheskoy makrosociologii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2019. № 2 (48). S. 30—40.
9. Romanovich N. A. Sovremennyy uchenyj v zerkale obshhestvennogo mneniya // Sociologija nauki i tehnologij. 2010. T. 1. № 3. S. 58—66.
10. Jaroshevskij M.G. Shkoly v nauke // Psihologija nauki. M.: Flinta, 1998. S. 105—118.
11. Bernal J.D. The social function of science. Berlin: Akad.-Verl., 1989. 711 p.
12. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; London : University Of Chicago Press, 1996. 226 p.

Информация об авторах

Н.Н. Равочкин — доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5);

В.П. Щенников — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального

института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3).

Information about the authors

N. N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str. 28); Associate Professor of the Department of Educational Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str. 5);
V. P. Shchennikov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Art and Aesthetic disciplines, Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators (Russia, 650070, Kemerovo region, Kemerovo, Zauzelkova st., 3).

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.

The article was submitted 15.02.2021.